14. Лавриненко С. Мовні маркери правової поведінки козацтва (на матеріалі українських народних дум) / Світлана Лавриненко // Функциональная лингвистика: Сборник научных работ. – Т. 2. – Симферополь: Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, 2010. – С. 9-11.

15. Українські перекази / Зібр. М.Возняк. – К.: Абрис, 1993. – 120 с.

16. Софронова Л. Культура сквозь призму поэтики / Л.А.Софронова. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 832 с.

УДК 398.2 (=161.1)

СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ "БОГАТЫРЬ-КНЯЗЬ" В ЭТОСЕ БЫЛИН КИЕВСКОГО ЦИКЛА

Щедрин И.Л., аспирант

Запорожский национальный университет

В статье на материале былин об Илье Муромце, Алеше Поповиче и Добрыне Никитиче анализируется один из малоизученных аспектов русского эпоса: связь былины с этосом европейского Средневековья.
Ключевые слова: былина, этос, эпос, типология эпоса, сюжетное ядро.

Щедрін І.Л. СИСТЕМА ВІДНОСИН "БОГАТИР-КНЯЗЬ" В ЕТОСІ БИЛИНИ КИЇВСЬКОГО ЦИКЛУ / Запорізький національний університет, Україна.
У статті на матеріалі билин про Іллю Муромця, Альошу Поповича та Добриню Нікітіча аналізується один з малодосліджених аспектів російського епосу: зв'язок билини з етосом європейського Середньовіччя.
Ключові слова: билина, етос, епос, типологія епосу, сюжетне ядро.

Shchedrin I.L. THE RELATIONS SYSTEM "BOGATYR-KNYAZ" IN THE ETHOS OF BYLINAS OF THE KIEV CYCLE / Zaporizhzhya National University, Ukraine.
In the article on a material of bylinas about Ilya Muromets, Alesha Popovich and Dobrynya Nikitich one of hardly-investigated aspects of the Russian heroic epic poetry: the communication of the bylina with the ethos of the European Middle Ages is analyzed.
Key words: bylina, ethos, epic poetry, types of epic poetry, plot basis.

Былина – один из наиболее интересных и самобытных жанров традиционного русского фольклора, издавна фиксируемый и изучаемый. Уже на раннем этапе исследования былин в центре внимания литераторов и публицистов (в частности, А.Пушкина, Н.Карамзина), обращавшихся к проблемам фольклористики, находились по преимуществу вопросы народности и поэтики этих произведений – то есть, какую информацию могут дать былины о народных чаяниях, восточнославянском традиционном искусстве и мировоззрении. С развитием фольклористики как отдельной дисциплины, а позднее – появлением исторической школы, внимание многих исследователей (Л.Майков [1]) сосредоточилось на другом вопросе – историзме былин, то есть соответствии былинных сюжетов каким-то событиям в реальной отечественной истории; во второй половине 20 в. работу в этом направлении продолжали, в частности, Б.Рыбаков [2], С.Азбелев [3] и др. В то же время, другая группа ученых, работавшая в русле мифологической школы (О.Миллер [4], Ф.Буслаев [5]), особое внимание обращала на генезис былинного вымысла, остатки древних верований и ритуалов, мифологическую подоплеку произведений, происхождение и природу жанра; в середине XX века обратился к этой проблеме и В.Пропп [6]. Не обошла наука вниманием и связь былины с фольклорными феноменами других народов и культур. Этот вопрос рассматривался компаративистами, в частности А.Веселовским [7].

С развитием фольклористики подходы к изучению былин становились многограннее, и в то же время обретали большую глубину анализа. Однако, несмотря на очевидный прогресс в деле исследования былин, один из вопросов по-прежнему изучен явно недостаточно. Это вопрос об этосе былины, о том, как эти произведения отражают систему ценностей, нравственные устои, социальный идеал и мировоззрение русского народа – и особенно в таком важном аспекте, каковы взаимоотношения богатыря и князя. Анализ данного аспекта мы можем найти в дореволюционных исследованиях, в частности, в фундаментальной работе О.Миллера, в которой этой проблеме посвящена глава [3, 617-686]. Невзирая на бесспорную ценность этой работы для своего времени, ее крайне тщательное отношение к источникам и тонкость многих наблюдений, нельзя не отметить, что она представляет собой, по сути, комментарий к зафиксированным вариантам фольклорных произведений, с некоторыми сопоставлениями с фольклором

иных народов и недостаточно обоснованными социально-культурными выводами. Это объясняется тем, что в XIX веке историческая наука не обладала еще тем знанием культуры и этоса европейского и русского Средневековья, а также тем количеством ценных источников, каким она располагает сегодня. Если учесть также огромное количество зафиксированных именно на рубеже XIX-XX веков вариантов былин, станет ясно, почему нас едва ли могут удовлетворить более ранние труды на эту тему. Однако работы советского периода, посвященные анализу отношений между богатырем и князем в этосе былины, также не лишены существенных недостатков. "Борьба за фольклор и его подлинную интерпретацию", отмеченная М.Азадовским [8, 26], в советскую эпоху весьма затруднила объективное исследование идейного содержания русского героического эпоса. Так, проблема отражения взаимоотношений князя и богатыря в былине интерпретировалась всегда одинаково, в русле примитивной концепции классовой борьбы: "...враждебное отношение [Ильи Муромца – И.Щ.] к боярам и князю" [9, 31], "...острая борьба между Ильей и Владимиром, носящая ярко выраженный классовый характер" [6, 278]; места для научной дискуссии по этому аспекту не было. Между тем объективный подход к текстам вариантов былин дает основания усомниться в такой трактовке, что и стало причиной написания данной статьи. Темой ее избрана система отношений "богатырь-князь" в этосе былин Киевского цикла. Советская фольклористика традиционно описывала эти взаимоотношения кодом классового конфликта, наделяя богатыря чертами "демократического героя", а князя – "жестокого и несправедливого правителя" [6, 278-289]. Объективным источником такой трактовки является экстраполяция этоса и системы социальных отношений Российской империи XIX века на Киевское государство XII века в его фольклорном отражении, а основным материалом для умозаключений – былины об Илье Муромце, в частности, сюжет о ссоре Ильи с Владимиром Красно Солнышко.

Гипотезой настоящего исследования является то, что в действительности образы князя и богатыря в былине проявляют глубокое родство этического комплекса, аксиологии и модели поведения, и это объясняется социальными и культурными условиями Средневековья.

Тот тезис, что истинным ключом к пониманию былины является этос средневековья, а не более поздних эпох, не бесспорен. Казалось бы, такой трактовке противоречат выводы А.Веселовского: по его мнению, народная поэзия "в формах прошлого выражает народное настроение настоящего" [7, 46]. Развивая эту мысль, придем к выводу, что изучение этоса былины даст нам больше сведений об этосе ее трансляторов, нежели об изначальном реликтовом этосе произведений. Однако этому выводу противоречит сознаваемое народом значение былины как источника подлинных знаний о прошлом, не подлежащего искажению (т.е., информативная и мнемоническая функции). Таким образом, механизм передачи "настроения настоящего" в былинах может базироваться, вернее всего, лишь на отборе наиболее близких современному народному духу былин и отсеве непонятных, далеких от современного этоса.

Между тем, Д.Лихачев полагал, что "действие былин не могло быть прикреплено к социальной обстановке XIV-XVII веков", а относится к "полупатриархальному" X веку. "...Ошибаются те, кто видит в былинах отражение прежде всего Московской Руси. Былины многослойны, их создавал народ в течение многих веков…" [10, 193], – считал он. Из этого, как представляется, обоснованного мнения вытекает, что некоторые аспекты былин могут быть более стабильными, "консервироваться" значительно лучше, чем другие.

Представляется, что этос является одним из наиболее стойких свойств фольклорного произведения, поскольку именно этосом организован сюжет, считающийся одним из важнейших признаков былины. Любые качественно новые элементы в произведениях обычно весьма легко заметить, поскольку трансляторы народного творчества не владеют искусством стилизации. Также следует учитывать, что изменения многих элементов этоса во времени нелинейны и небыстры: этический кодекс двухтысячелетнего христианства понятен и актуален и ныне, а императивы, лежащие в основе поведения наших современников, зачастую весьма архаичны. Следовательно, в былине могут быть отражены реликты средневекового этоса. Если это не так, то на систему отношений "богатырь-князь" не могли быть не перенесены социальные противоречия XIX века; если же тезис о наличии средневекового ядра в этосе былины верен, то отношения между богатырем и князем должны презентовать более раннюю, средневековую модель.

Правильному соотнесению былин с мировоззрением феодальной эпохи могут помочь культурологические работы, посвященные этосу средневековой Европы и Руси, основанные на фольклорных либо восходящих к фольклору источниках ("Песнь о Роланде", прочие chansons de geste, саги), хрониках, аутентичных литературных памятниках и др. Историки культуры сходятся на том, что Киевская Русь, будучи периферией Европы, испытала большое влияние других европейских народов (особенно скандинавское и византийское), и сама оказывала на них некоторое культурное и политическое влияние. Такая включенность Руси в европейское пространство уже сама по себе дает основание рассматривать отношения "богатырь-князь" в связи с моделью "вассал-сюзерен" или же "рыцарь-король" в европейских произведениях.

Записи былинных текстов обнаруживают родство этоса и поведенческих установок русского богатыря и европейского рыцаря. Так, родительское напутствие, даваемое Илье Муромцу в былинах о его исцелении, практически тождественно рыцарскому обету:

Стоять тогда за веру за крешшоную,
За ти монáстыри за причестныи,
За ти за церквы да за божии,
За ти младенцы троедённыи [11, 263].

Исследователь воинского этоса Е.Беляева отмечает: "Христианская идеология указывала рыцарю на тех слабых, которых он должен взять под свое покровительство: это девицы, вдовы и сироты... Благородный рыцарь, таким образом, оказывался защитником праведных христиан и морали в целом" [12].

Несмотря на "демократическое" происхождение Муромца, былины акцентируют внимание на его дорогом оружии, серебряных украшениях (имеющих особое значение – напр., "чуден-крест серебреной" [11, 265]), дорогом коне, причем указываются гиперболизированные цены в рублях: такова традиция изображения воинской элиты, к которой уверенно причисляются богатыри (сравним с совпадением значений слов "noblement" ("благородно") и "rikement" ("богато", "роскошно", "великолепно") у средневековых европейских хронистов [13]).

Интересно, что в это же время восхваление богатства пытаются уравновесить обетом бедности, а уже в Новое время нетождественность богатства и благородства подчеркивается многими писателями и пропагандистами. Если проследить истоки "культа бедности" в Новом Завете и сравнить с Ветхим Заветом, где богатство может напрямую связываться с праведностью, можно прийти к выводу о сравнительной архаичности отождествления богатства с "благородством" – т. е., соответствием идеалу в этосе. В былинах традиция связывать роскошь с благородством настолько неукоснительно соблюдается, что даже стала объектом пародирования в песне "Агафонушка" [14, 141]. Возможно, это – еще один аргумент в пользу мнения о том, что этос былины носит явственный отпечаток этоса раннего средневековья. Внешний облик богатырей также напоминает об особенностях изображения рыцарства: белое лицо, дородство [16, 64], "белая грудь", "уста сахарные" [16, 173] и пр., в то время как одним из важных качеств рыцаря в европейском эпосе называется красота (ср. с изображением Ганелона в "Песни о Роланде": "Лицом он горд, сверкают ярко очи... Граф так хорош, что пэры глаз не сводят" [15]; комментарий М.Оссовской: "Рыцарь должен был отличаться красотой и привлекательностью... Мужская красота перестает играть особую роль лишь в буржуазном этосе" [13]).

Князь Владимир, как и подобает сюзерену, принимает в жизни богатырей деятельное участие. Так, Добрыня три года "стольничает, чашничает, приворотничает" у князя [14, 42], а в других вариантах служит в конюхах, писарях, привратниках [11, 221], что очень близко к положению пажа; князь идет вместе с Алешей просить руки Добрыниной "вдовы", предварительно дав богатырю соизволение жениться [11, 241-242]; Владимир одаряет богатырей казной и одеждой [11, 479], именно князю предоставляет на суд свои подвиги Илья Муромец, и кланяется иногда только верховному правителю, а чаще – бьет поклоны на четыре стороны в знак вежливости, а князю с княгинею – "на особинку" [11, 342], явно выделяя Владимира, а остальными "боярами" не слишком интересуясь (вероятно, так отразила былина бинарную, доиерархическую природу отношений "вассал-сюзерен", породившую средневековую максиму "вассал моего вассала – не мой вассал"). Все эти факты напоминают нам, что и князь Владимир, и богатыри – представители одной и той же социальной страты: воинской элиты. Являясь выходцами из различных социальных слоев (крестьянин по рождению Илья Муромец, сын попа Алеша, высокородный Добрыня), богатыри уравнены своей мощью, доблестью и основным занятием – войной. Показательно, что закономерность отторжения Ильи от крестьянства отражена в словах его родителей "Винно, дитё будет нам не кормилицо, станет ездить, винно, по полю по чистому" [11, 262]: слишком велика его сила для мирной жизни.

Князь никогда не выступает непосредственно в бою. Для былины характерно представление "...их-та, царей, не бьют-не казнят, не бьют-не казнят и не вешают" [14, 82], что не соотносится с реалиями раннего средневековья, когда вождь объединял функции могучего воина, полководца, правителя в мирной жизни, а то и колдуна. Возможно, этот факт позволит скорректировать время формирования этоса былин по нижнему хронологическому порогу, исключив период Темного Средневековья. Тем не менее, высокое значение связи богатырей с Владимиром едва ли подлежит сомнению. Исследователи, отстаивающие точку зрения на то, что отношения князя и богатырей в этосе былины следует прочитывать в русле классовой борьбы (В.Пропп, В.Чичеров и др.), экстраполировали социальные отношения XIV-XV и более поздних векав. В Европе к этому времени реальным влиянием обладали уже не профессиональные воины-рыцари, а князья и бюргерство [16]; (та же тенденция действовала и на русских землях) на былину, забывая собственный постулат о первоочередной роли реалий Киевской Руси в формировании художественного мира произведений. Источником для логических построений этих исследователей служил, в частности, мотив недоверия Владимира к впервые встреченному Илье Муромцу, объявившему о своем подвиге [6, 246]. Недоверие объяснялось "низким происхождением" богатыря. Однако упущено

из виду, что этот же мотив весьма популярен в волшебной сказке (победу над змеем приходится доказывать предъявлением отрубленных хвостов, языков и т. д.) которую также, по аналогии, приходится признать рупором классовой борьбы – что, как представляется, неверно. В.Пропп в качестве аргумента в пользу концепции классового противостояния князя и богатыря приводил отрывок из былины: "Не дай господи делать с барина холопа, / С барина холопа, с холопа дворянина, / Дворянина с холопа, из попа палача, / А также из богатыря воеводу" [цит. по 6, 239], из которого делал далеко идущий вывод о "развивающемся чувстве классового антагонизма и классовой ненависти". Обращал внимание на эти былинные слова и Л.Майков, отмечая, что они свидетельствуют о привязанности Ильи Муромца к крестьянству, которую он, якобы, сохраняет на всем протяжении жизни [1, 114] – при том что в других вариантах, как мы видели, крестьянство отторгает Илью в ту сферу, где более применима его сила – то есть, в ратное дело. Характер этой цитаты (которую можно встретить лишь в очень немногих вариантах былин) подтверждает сделанный в настоящем исследовании вывод о том, что встроить в сюжетное ядро былины, средневековое в своей сути, более современную ремарку транслятора, отражающую поздние реалии, незаметно нельзя. Лишь только исполнитель произведения решил выразить свое (как представляется, нетипичное для Средневековья) социальное видение конфликта, в тексте тут же появились чуждые былине реалии (дворянство, которого в период Киевской Руси не было), изменился сам былинный стих, лексика осовременилась, что дает основания утверждать: данный отрывок – позднейшая вставка.

Особенно ярким сюжетом, дававшим основания для противопоставления образов князя и богатыря по мировоззренческому принципу, был сюжет о ссоре Ильи Муромца с Владимиром.

Во-первых, отметим, что конфликт между героями здесь никогда не носит принципиального характера: это либо навет бояр на Илью [11, 479-480], либо забывчивость князя, не позвавшего Муромца на столованье [17, 146], и в любом случае – оговор, случайность, путаница. Механизм ссоры, включаемый этим пустяком, носит не классовый характер, а является следствием личной гордости. Й.Хейзинга говорит о сущности моделей поведения в Средние века: "Жизнь аристократии во времена позднего Средневековья... это попытка разыгрывать грезу, делая участниками всегда одного и того же спектакля... Весь жизненный уклад облекается в формы, как бы приподнятые до мистерии" [16]. Ролевая обусловленность многих и многих действий человека того времени дает ключ к пониманию мыслей Ильи после ссоры с князем: "А что мне, молодцу, буде поделати? А я ныне молодец разгневанный, а я ныне молодец раздраженный" [17, 146]. Муромец решает, что в такой ситуации надлежит действовать по этикету противоречия, или же антиэтикету, и разбивает маковки церквей (если богатырь должен защищать церкви, то антибогатырю пристало их разрушать), после чего отправляется пьянствовать [17, 146]. Итак, тяжелый конфликт – это прежде всего роль, которую вынужден до конца сыграть обиженный правителем воин.

Во-вторых, столкновение героев – это не последствие социальных противоречий, а внутренняя логика эпоса. Всякие силы, выступающие в произведениях, народное мышление стремится столкнуть, дабы выяснить их истинную иерархию. Так, из былин мы узнаем, что Добрыня сильнее Алеши, но лишь иногда одолевает старого Илью Муромца, тот бессилен перед Святогором, который, в свою очередь, пасует перед поздним героем Микулой Селяниновичем, в то время как ранний герой Вольга берет мудростью и мистическим знанием. Конфликт же героя-воина с властителем настолько архаичен, что отразился в фольклоре еще в дописьменную эпоху. Яркий пример такого противоборства дает гомеровский эпос, описывающий непростые отношения Ахиллеса с Агамемноном – и эти отношения мы едва ли можем трактовать как классовую борьбу, при том что они явно генетически родственны с сюжетом о ссоре Ильи Муромца и князя Владимира. Представляется, что главная причина интереса народа к сюжету о ссоре героя и властителя – не стандартность, а, напротив, необычность такой ситуации.

Один из самых "радикальных" вариантов, в которых реализуется этот сюжет, является былина "Бунт Ильи Муромца против князя Владимира", в которой богатырь называется мужиком Никитой Заолешанином, получает от князя приглашение к столу за соответствующее безвестному гостю место – с "болярскими детьми". Илья почитает это за обиду и устраивает дебош, и, хотя князь, признав его, всячески извиняется ("Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец! / Вот тебе место подле меня, / Хоть по правую руку аль по левую, / А третьёе тебе место – куда хошь садись" [18, 101-103]), не прощает обиды князю и, в некоторых вариантах, едет сбивать маковки с церквей. При этом богатырь именует бояр словом с пейоративной, по мнению исследователей [3, 649], окраской – "вороны". Л.Майкову этот эпизод дал основания говорить о противоречии между богатырем и князем. Между тем исследователем упущено из виду, что в действительности гнев князя направлен не на Илью, а на безвестного мужика Никиту Заолешанина. Едва лишь князь узнает, что перед ним лучший из его богатырей, он тут же, чуть ли не заискивая, просит прощения. В войске дружинных времен каждый дружинник – опора князя, и умелый руководитель старается избежать конфликта со своими верными боевыми товарищами, тем более сильнейшими из них. Илья же ведет себя по отношению к князю более агрессивно. Текст былины не дает достаточных мотивов для такого поведения. Между тем в более полных ее вариантах содержится

объяснение: "Я заутра буду в Киеве князем служить, а вы у меня предводителями" [3, 651], – говорит Илья кабацким голям. Иными словами, происходит акт борьбы за власть и влияние между представителями одной социальной страты, что снова напоминает нам о конфликте царя Ахиллеса и царя Агамемнона за то, кто достоин быть старшим царем. Борьба эта – не межклассовая, а внутриклассовая. Если учесть относительно малое количество былин с подобными конфликтами, и сравнительно большую распространенность былин о борьбе богатырей с внешним врагом, можно сделать вывод о сравнительно меньшем интересе народа к ним. Иными словами, из средневекового прошлого крестьяне предпочитали сохранять воспоминания о совместных действиях князя и богатырей против общенародных врагов или чудовищ, нежели о ссорах между представителями воинской элиты – хотя не забывали и о последних.

Таким образом, есть основания утверждать, что код "классовой борьбы" в интерпретации отношений князя и богатыря, предлагаемый марксистской фольклористикой, противоречит историко-культурной специфике былины как реликта этоса X-XII веков. Вероятно, более применимой к реликтовому ядру былинного этоса является модель отношений "вассал-сюзерен". Дальнейшие исследования этой проблемы и смежных с нею могут значительно изменить существующие представления об отражении этоса и социальных отношений далекого прошлого в фольклорных произведениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майков Л.Н. О былинах Владимирова цикла / Л.Н.Майков – СПб: Типография департамента внешней торговли, 1863. – 139 с.
2. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи / Б.А.Рыбаков – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 361 с.
3. Миллер О.Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское / О.Ф.Миллер – СПб: Типография Н.Н.Михайлова, 1869. – 830 с.
4. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора / С.Н.Азбелев – Л.: Наука, 1982. – 327 с.
5. Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос / Ф.И.Буслаев. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987. – 255 с.
6. Пропп В.Я. Русский героический эпос / В.Я.Пропп. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – 552 с.
7. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А.Н.Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 405 с.
8. Азадовский М.К. История русской фольклористики: В 2 т. / М.К.Азадовский; под общ. ред. Э.В.Померанцевой. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1. – 1958. – 478 с.
9. Юдин Ю.И. Героические былины / Ю.И.Юдин. – М.: Наука, 1975. – 120 с.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С.Лихачев. – Л.: Худ. лит., Ленингр. отд-ние. – 303 с.
11. Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Спб.: Наука; М.: Классика, 2001. – Т. 1. – 2001. – 773 с.
12. Беляева Е.В. Воинский этос и универсалии морали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://literature.by/phil/journal_22.html
13. Оссовская М. Рыцарский этос и его разновидности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Ossov/05.php
14. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М.: Наука, 1977. – 487 с.
15. Песнь о Роланде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russianplanet.ru/filolog/babylon/epos/roland.htm
16. Хейзинга Й. Осень Средневековья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/158996
17. Былины / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М.Селиванова. – М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с.
18. Былины: сборник / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б.Н.Путилова. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 552 с.